

Отметим некоторые недостатки, относящиеся к качеству издания. В книге мал. цветных рисунков и выполнены они недостаточно четко, слабо выявлена фактура ткани, не передана техника вышивания (см. табл. XVI, рис. 1, табл. XXIII, рис. 1—2, табл. XXV). Также нечетки и все остальные рисунки. Не выдавшие подлинных вещей по этим рисункам не могут получить о них правильного представления. Правда, тщательно составленные надписи в некоторой мере исправляют этот недостаток, дают возможность разобраться в материале. Но это не разрешение вопроса при издании книг по орнаменту.

В целом книга Г. С. Масловой представляет собой ценный вклад в науку как по количеству и качеству собранного материала, так и по интерпретации его, методам работы и основным выводам. Помимо того, она является полезным трудом, толкающим к развертыванию работы по собиранию и изучению орнамента других народов Советского Союза.

Н. Лебедева

Т. А. Крюкова, *Марийская вышивка*. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Государственный музей этнографии народов СССР, Л., 1951, 192 стр

Народное изобразительное искусство марийцев чрезвычайно богато отражено в вышивке. Марийский народ издавна славился своим умением вышивать, и созданные марийскими женщинами предметы одежды, головные уборы, покрывала являются высокохудожественными произведениями подлинного народного искусства. Поэтому издание специальной работы, посвященной марийской вышивке, представляет большой интерес не только для исследователя этнографа, художника, но и для широких слоев населения нашей страны. Опытный музейный работник Т. А. Крюкова лично собрала большие коллекции для Государственного музея этнографии народов СССР, лучшие образцы которых опубликованы в рецензируемом альбоме.

Альбому предпослано предисловие Л. П. Потапова и богато иллюстрированная (39 рисунков в тексте) вводная статья Т. А. Крюковой, посвященная анализу марийской вышивки. Альбом состоит из 49 таблиц с изображениями частей марийской одежды, головных уборов, различных бытовых вещей, украшенных вышитым орнаментом. 20 таблиц в альбоме сделано в красках. Предисловие и статья даны на двух языках: русском и марийском. Альбом богато и изящно оформлен; текст статьи и таблицы напечатаны на меловой бумаге.

Вводная статья Т. А. Крюковой представляет собой по существу пространное пояснение к приложенным таблицам. Она начинается введением, в котором автор рассказывает в общих чертах о богатстве и разнообразии марийского искусства, сообщает коротко о материале и технике, о творцах-исполнителях, а также о том, какие вещи украшаются вышитым орнаментом, подчеркивая при этом возрастные и локальные особенности вышивки.

Т. А. Крюкова высказывает интересные мысли о том, что искусство, в частности вышивка, возникла на ранних стадиях общественного развития из производственной практики человека в связи с развитием его мышления. Вышивка тесно связана с бытом народа, отражает его художественные вкусы и эстетические потребности.

Дальнейшие главы работы посвящены специально вышивке, расположенной на отдельных частях женской и мужской одежды: рубашках, кафтанах, головных уборах и поясных украшениях. Все эти главы написаны примерно по одному плану. Основное внимание в них уделено описательному материалу: расположению вышивки, характеристике орнамента, локальным особенностям. Специальные главы посвящены расцветке, терминологии и технике.

Во втором разделе статьи дано описание марийской вышивки после Великой Октябрьской социалистической революции. В этом разделе Т. А. Крюкова останавливается на организации вышивальных артелей, ассортименте выпускаемых изделий, новой советской тематике.

Автор книги — серьезный исследователь, известный своими интересными работами в области этнографии народов Поволжья, много лет специально занимающийся изучением марийского народа.

Однако с сожалением приходится отметить, что данная статья не лишена существенных недостатков.

Изучение народного искусства, в частности вышивки, нельзя отрывать от истории самого народа, его экономики и быта, вместе с которым искусство живет и развивается. В искусстве, как и в других видах народной культуры, существует преемственность. Новое развивается на базе старого. Автор же очень мало внимания уделяет развитию вышивки, не прослеживает тех изменений, которые происходят в ней на различных этапах общественного развития марийского народа. Пользуясь в основном материалами XIX и XX вв., Т. А. Крюкова для выяснения более ранних форм марийского искусства не привлекает археологический материал, который помог бы

установить развитие вышивки на более ранних этапах, определить материал, характер отделки, излюбленные мотивы в орнаменте и т. д. Крайне нечетко проведены также различия между вышивками более ранними, относившимися к XVIII в., и более поздними — конца XIX и начала XX в., когда в связи с проникновением капиталистических отношений в марийскую деревню наблюдалось падение вкуса, увлечение узорами с оборотом брокеровского мыла. Правда, автор коротко упоминает об изменениях и расцветке и технике шитья (стр. 80), но совершенно не акцентирует на этом внимание читателя.

При описании вышивки горных, луговых и восточных мари автору следовало бы коротко охарактеризовать эти группы марийского народа и сказать об их культурных различиях.

В работе Т. А. Крюковой почти нет сравнительного материала. Марийская вышивка взята совершенно изолированно от художественных работ окружающих народов — русских, чувашей, татар и мордвы, — с которыми она имеет много общего в расцветке, технике шитья, общем оформлении узора и композиции. Вместе с тем не показаны и специфические черты, присущие только марийской вышивке. Говоря о вышивке на рубашках и головных уборах горных мари, нельзя было не коснуться почти тождественной вышивки у верховых чувашей-вирыял, с которыми горные мари имели тесные культурно-исторические связи в продолжение многих столетий и продолжают сохранять культурную близость вплоть до наших дней. Описывая вышивку на марийской сорочке, следовало бы подчеркнуть близость как вышивки, так и самого убора к сорочке русских, а также верхневолжских карел. В тексте совершенно не проведены параллели с другими видами марийского народного искусства; не указаны общие орнаментальные мотивы в ткани и вышивке, в резьбе по дереву, на металлургических украшениях и керамических изделиях.

В работе очень мало внимания уделяется анализу орнамента; автор не делает попыток раскрыть содержание и проследить трансформацию отдельных образов, объяснить распространение определенных узоров. Отмечая наличие таких изображений, как «предстоящие у древа» фигуры коней и оленей, автор должен был более подробно остановиться на развитии этих сюжетов, отметить их специфические черты в марийской вышивке, привлечь сравнительный материал.

Совсем ничего не сказано об изображениях птиц, весьма специфичных для вышивки луговых мари: на рубашках и головных уборах. Указывая на постепенную геометризацию животных форм, следовало бы показать этот переход в рисунках на отдельных фигурах.

Очень мало внимания уделено анализу геометрических форм. Хорошо было бы дать таблицу основных элементов и указать их терминологию. Такое же пожелание надо высказать и по отношению к технике шитья. Правда, Т. А. Крюкова подробно описывает разнообразные швы, встречаемые в вышивке, перечисляет их названия, но для большей наглядности следовало бы показать основные швы в таблице, дав их названия.

Высказав правильную точку зрения на происхождение и развитие искусства в своем вступлении, автор на последующих страницах работы отходит от этого положения и повторяет порочные взгляды Н. П. Гринковой о магическом воздействии наруканной вышивки на производительность руки и ее мощь. Выдвигая это положение и подтверждая его ссылкой на написанную еще в 1934 г. статью Н. П. Гринковой, проводящую антинаучные концепции Н. Я. Марра, автор тем самым показывает и свое неполное освобождение от влияния этих концепций.

Совершенно искусственно выделяет Т. А. Крюкова также главу, посвященную обрядовой вышивке, в которой развивает тему о магической и обрядовой «функции» вышивки. Вышивка же на обрядовой и культурной одежде по существу не имеет никакой специфики, а сохраняет в ряде случаев лишь наиболее архаичные формы. Гораздо целесообразнее было бы остановиться на праздничной одежде, на бытовых предметах: полотенцах, скатертях и покрывалах, которым уделено в работе очень небольшое место.

Многие определения, приводимые автором, расплывчаты и нечетки. Т. А. Крюкова очень часто оперирует термином «функция», вкладывая в этот термин самое различное содержание. Так, например, на стр. 15 и 21, говоря об иллюстрациях и терминологии, она указывает, что эти материалы помогают вскрыть «функцию данной вышивки в прошлом»; на стр. 39 пишет «о функциональной значимости вышивки»; на стр. 58, говоря о поясных украшениях, подчеркивает, что они представляли собой «поясные полотенца с вышитыми концами и выполняли обрядовую функцию на свадьбе». На стр. 66 читатель узнает, что «орнаментированные предметы одежды исполняли нередко в похоронном обряде обрядовую функцию», а на стр. 69 автор рассматривает «случай перенесения функциональной семантики». Можно привести еще и другие примеры, когда слову функция не дается четкого определения.

Еще в 1948 г. во время дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии Академии Наук СССР С. П. Толстов, подводя итоги обсуждения, предлагал отказаться от термина «функция». Он указывал, что в это понятие насильственно включается все, что угодно, причем каждый понимает «функцию» по-своему. Этнографы и фольклористы, рассматривая функцию предмета, часто теряют из виду самый предмет. Не то же ли наблюдаем мы и в работе

Т. А. Крюковой, когда она, рассматривая различные функции вышивки, теряет из поля зрения самый предмет исследования?

Отмечая весьма существенные недостатки книги, нельзя отрицать и ее положительного значения. Публикация материалов по марийской вышивке, без сомнения, окажет влияние на дальнейшее развитие национального марийского искусства.

Учитывая это, необходимо всемерно совершенствовать практику издания работ по изобразительному искусству народов нашей многонациональной Родины.

В. Белицер

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Словацкие сказки. Перевод со словацкого Д. А. Горбова. Художественное оформление В. И. Таублера. ГИХЛ, М., 1950.

Фольклор словацкого народа, как и весь славянский фольклор, отличается большой художественностью, разнообразием и высокой степенью развития. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Словакии также была развита. Богат и иллюстративный этнографический материал, который может быть использован для фольклорных изданий. Между тем сборник «Словацкие сказки», хотя и заключающий много ценного, носит несколько случайный характер и не дает достаточно полного представления о богатстве народного творчества словаков. Случайность его характера объясняется тем, что рецензируемый сборник является в основном переводом школьного издания сказок, подобранных из пятитомного свода сказок Подивки, тексты которого были записаны собирателями с половины прошлого века, а отчасти из самого свода. Заимствование текстов из школьного издания сказок наложило на сборник особый отпечаток и снизило его научную значимость. Сказки школьного сборника, конечно, были подобраны с учетом потребностей средних учебных заведений в буржуазной Чехословакии. Отсюда притупление социально-острых моментов, характерных для народной сказки. Собиратели, редакторы, издатели старательно сглаживали «острые углы». Качество сборника снижает также то, что тексты, помещенные в нем, возможно уже во время записи (часть их была записана около 100 лет назад), подверглись редактированию. Собиратели в поисках наиболее древней «первоначальной редакции» по своему усмотрению отбрасывали в подлинных текстах все, что отражало современную действительность. Вследствие этого народный быт словаков даже того времени представлял в сказках архаизированным. При чтении текстов рецензируемого сборника это ясно ощущается.

Сборник «Словацкие сказки» содержит 28 текстов. Преобладают волшебные сказки (около половины), сатирически-бытовых — четвертая часть, кроме того, имеются сказки о животных и подбор преданий о Яношике.

Словацкие сказки — творчество народа, жившего в XIX в. в условиях развитых феодально-крепостнических отношений; эти сложные социальные отношения и отражены в сказках; влияние капитализма чувствуется в них гораздо слабее. Сказки отличаются в то же время глубокой народно-поэтической традицией.

Словакия в прошлом была страной по преимуществу отсталого сельского хозяйства, что резко отличало ее от индустриальной Чехии. Поэтому город в сказках бледен и условен, торговля упоминается только на ярмарках; основные действующие лица — крестьяне; изредка выведенные мастеровые — главным образом тоже деревенские ремесленники (кузнец, колесник, мельник, скорняк и т. п.).

Отходничество в сказках идеализировано: именно молодежь, ушедшую из деревни на несколько лет, ждут в пути необычайные удачи: «Кто по свету походит, тот всегда чего-нибудь раздобудет» (стр. 148). В этом сказалось стремление словацких крестьян вырваться из ограниченной скудной жизни деревни. Любопытно, что животных-путешественников хозяева избы, где они остановились на ночлег, принимают в темноте за мастеровых (очевидно, бродячих): рак — портной с ножницами (клевнями), утка — ткач с челноком (клювом), конь — сапожник с колодой (копытом). Обычно место действия в сказках — замок (скорее напоминающий обыкновенную помещичью усадьбу, несмотря на золото и драгоценные камни, которыми он разукрашен) или крестьянская изба. При этом в большинстве сказок главным действующим лицом и в замке является так или иначе попавший туда бедняк — слуга или пленник; смысл сказки — посрамление им владельцев замка, а не условная роскошь жизни феодалов, их турниры, «волшебство» и пр. (сказки такого рода, хотя и есть в сборнике, но отличаются наибольшей книжностью и наименее художественны). Демократизм волшебных сказок роднит их с остальными сказочными жанрами словаков: наиболее насыщенными бытовым материалом и простыми по поэтике сатирическими сказками и животным эпосом. В фантастике сказок выступает извечная мечта народа о плодо-